

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

(Евангелие от Иоанна).

Одно время в разном роде просветительских классов и учебных кабинетах неизменно висело тургеневское стихотворение в прозе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Основное, конечно: озабоченность, чтобы вне сомнений и поминаний раздумий лозунгами колотило: «великий и свободный... великому народу...»

Сейчас же и сомнений тьма. И от тягостных раздумий голова раскалывается. Да вот ведь уже и не знаешь, где начинается — Родина. Прямо по горькому теркинскому стику:

Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?
Так то война — 1942 год. А сейчас тогдашнее и прощитывать-то поостережешься:
Не зарекайся, так порою, в
Будем живы — не помрем,
Срок придет — назад вернемся.

Что отдал — все вернем.
Опять-таки в том же 1942 году Анна Ахматова изрекла:
Не страшно под пулями
Лететь, не страшно
Горько остаться без крова, —

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Иначе говоря, для нас лишиться слова много горше, чем остаться даже без крова, погибнее даже самой погубительной смерти.

Еще раньше, чем Ахматова, мы, кажется, не слабее сказал о том же Осип Мандельштам в прозе: «Чуждаюсь, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному историческому кругу культурных явлений, упустила одно обстоятельство — именно язык. Столь высокоорганизованный, столь органический язык не только дери в историю, но и сама история. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории... У нас нет акрополя... Зато каждое слово словаря Дала есть орешек акрополя, маленький Кремль».

А вот сейчас и тот, который один поддержка и опора, уже у многих нас поселит сомнения и тягостные раздумья. Не раскалываются ли не разлетаются ли орешки нашего акрополя, не взлетают ли и не осыпаются ли наши маленькие Кремли? Не взорвет ли мы подобно храму Христа Спасителя весь великий Кремль нашего спасительного языка? И, восстановив один храм, не останемся ли на руинах другого?

Драму отлучения от языка демонстрирует и вся история возвращения-невозвращения уехавших. Говорят: не вернулся Бродский. Как не вернулся? Вернулся. Дополнено. Он же написал стихи:

Ни земли, ни погоды
Не хочу выбирать.
На Васькиных Острова
Я приду умирать.

Может быть, реального возвращения он бы просто не выдержал. Впрочем, не выдержал и невозвращения.

Отлучение от языка страшнее, чем экономические провалы, финансовые проколы и оборонные промахи. Для нас это равносильно отлучению от истории. Поймем это! А если нет, тогда все: крышка. И с прищипом.

Впрочем, хвать патетики. Драма нашего языка во многом связана с его тяжелейшей миссией — быть, по худой ли, хорошо ли утвердившемуся термину, языком межнационального общения.

Конечно, связано это и с особой интернациональной миссией русского народа. Интернациональной не как внешнеазиатской или наднациональной, а как межнациональной. Да, интернационализм и есть национальная особенность русского народа. Не потому ли он беззащитнее многих перед космополитизмом (речь не о произвольно введенном мрачном понятии рубежа 40—50-х гг.) и так податлива на «пролетарский интернационализм»? И даже сам русский национализм, когда он все-таки — в конце концов и тоже неизбежно — возникает, оказывается, пожалуй, бессильнее иных агрессивных, мощных, сосредоточенных националистических потоков и гасится прежде всего в русском же интернационализме.

Русский интернационализм — кровавый крест и тяжкое вериги: он несет постоянную угрозу нашему национальному су-

ществованию, и он же есть непереносимое, может быть, главное, если не единственное, условие нашего национального выживания: противоречие, требующее непреодолимого, всечасного, разрешающего усилия. Не состояние, а процесс...

Он оборачивается и всемирностью пушкинского гения — главным нашим, как полагают Достоевский, возмещением человеческого, и дружелюбием наивным обаянием, будь то галломания начала XIX века или вестернизация конца XX.

Да что там — галломания. Когда-то, после путешествия по Сибири, Иван Александрович Гончаров, рассказывая о русской семье, в которой говорили по-якутски, комментировал: «Ох, сильна у нас страсть к

канская ассоциация преподавателей русского языка и литературы», возглавляемая очень энергичным и компетентным руководителем профессором Д. Давидсоном, уже разрабатывает методики, готовят пособия по русскому языку, организует учебные группы для Украины, для Казахстана... Не о соперничестве речь — о сотрудничестве (между прочим, Д. Давидсон еще в 1990 году был награжден и ныне действующим орденом Дружбы народов).

А что же мы? В очередной раз уже почти дежурно, а может быть, и отворачиваясь посетуем на нехватку денег и умоем безделье ручки? И — утремса?

Нужны скоординированные траты аналитических проработки с участием всех заинтересованных сторон, то есть стран СНГ: в данном случае — будем говорить прямо — друг от друга страшно зависимых государств. Естественно, вольному воля и

Вернемся, однако, к «не по-терплю».

Конечно, велик соблазн за претворности, тем большим, что самая высокая и изысканная культура слова подала во французском лице как бы разрешающий пример. В «легкомысленной» Франции за легким мысленным отношением к своему слову и неумелое обращение с чужим можно и деньгами заплатить. Особый закон о языке предусматривает жесткие штрафы за неумелое и неумное предпочтение своему чужому.

Однако вряд ли нам следует пройти точно этим же путем. Разные мы все же страны. Скажем, их лидеры традиционно демонстрируют образцы ораторского искусства. У наших же многих деятелей, например, явное неумение путно связать даже пару слов на публике искусстве тем, что зато они — очевидно, в кабинетной тишине — пишут свои книги. И даже, как

ранних формул и речений?

Трудно сказать, как бы решился спор «французского» и «нижнегородского». Как высоко ответил бы язык от своей земли на крыльях европейской эффиры. Или как далеко ушел бы он по грибоедовскому «блуждающему» в шиксовский «мокроступах».

Поистине нужно было чудо. И оно явилось. Пушкиным. Потому-то никого не удивляют никакие самые пламенные слова обращения к Пушкину, могущие поместиться странными в приложении к любому другому поэту или писателю как угодно великому. Уже в 1823 году В. Туманский в письме к А. Бестужеву называет Пушкина «Иисусом Христом нашей поэзии». «Помолимся же к Пушкину...» — записывает позднее в дневнике М. Погодин. О неведомом на Земле блаженстве общения с Пушкиным говорит Н. Гоголь. «Солнце русской поэзии!» — восклицает В. Одоевский. «Пушкин есть явление пророческое», — пророчесствует же Ф. Достоевский. Наконец, уже как бы отказываясь от попыток объявить необычайное, уже почти обессиленно Аполлон Григорьев произносит: «Пушкин — наше все».

И все это, кстати сказать, вполне соответствует собственному — Пушкина — о себе представлению: «И славен буду я, доколь в подлунном мире (!) Жив будет хоть один пиит. Естественное, кстати же сказать, и появление уже недавних подделок вроде изданных Миннеполисе русских, конечно, умельцами «Тайных записок» Пушкина — якобы его портретно-графического дневника 1836 года. Что ж, раз есть «Бог», то богоугодно почти обязательно. Когда является святость, то, видимо, неизбежно появляется и святотатство.

Итак, если знаменитое евангельское изречение «Слово было Бог» верно, то, переводя дело на землю, на русскую почву, становится понятным весь тот «божественный» антураж, которым сопровождается имя Пушкина в русском сознании. Недаром уже в начале нашего века один критик, в пафосном порыве утверждая абсолютную природу «Бог» русской литературы Пушкина, комментировал ее таким библистическим стихом: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел к человеку (...), чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И вот человек дал имена всем птицам небесным и всем зверям полевым». После Пушкина мир во всяком случае назван.

Да, Пушкин явился в роли своеобразного Демурга, держателя, «Бог», ибо он создал современное русское литературное слово — титул, который остался только за ним и на который более не может претендовать ни один, как угодно великий, писатель России.

«Всего яснее», — отмечал Николай Струков, — обнаружилась эта беспримесная гибкость и податливость пушкинского гения в языке. Пушкин так точно чувствовал значения, оттенки, красоту, фонику каждого слова и каждого оборота слов, что не исключал из своей речи ни одного слова и ни одного оборота. Он употреблял их все, как скоро приходило их место в наступала в них надобность... Можно сказать, что он навсегда закончил образование нашего литературного языка: в самом деле, он лишил нас возможности отличиться старомодностью или нововедением, потому что делом и примером разрешил литературе всякие старомодности и всякие нововедения с одним условием, чтобы они были уместны и нужны. В настоящее время можно и должно иметь свой язык извощенный в смешанном... Если сравнить язык Пушкина с языком Карамзина, то можно подумать, что язык Пушкина гораздо старше, так как в нем встречается множество форм, уже изгнанных Карамзиным. Славянские, старые слова так же мало пугали Пушкина, как и формы просторечия. До конца жизни он писал (особенно в прозе) сел, оный, токмо, потребный, явится и т. п. Теперь, благодаря ему же, нам это не странно».

Да, своеобразие, слог Пушкина определить невозможно: он, единственный, — создатель не своего стиля, как любой другой писатель, а — всеобщего языка. Таким образом, Пушкиным здесь было сделано дело, совершившееся, конечно, в виде и в рамках его собственно художественного творчества, но которое далеко перешагнуло рамки того творчества и начало уже безотчетливо к этому творчеству жизни.

(Окончание следует).

Дети выбор сделали

В Совете Федерации по инициативе Ассоциации международных культурных и гуманитарных связей и Международной детской художественной галереи открылась выставка детского рисунка «Славянское братство».

Широка география ее участников: от западных границ Белоруссии до восточных рубежей России — некогда необъятной общей нашей Родины.

Знакомая с выставкой, думаешь, как все-таки удивительно талантливы, наблюдательны, духовно богаты наши дети. Верные своим национальным традициям, они помогли по образу мыслей, чувств. Акварельная нежность заката, радость журавлиного клика, добрая улыбка ба-

бушки... И тут же — вражеский танк, стреляющий по дому, дым из гигантских труб, отравляющий небо и землю, изнемогающие под тяжестью плодов яблоки, повисшие в зоне черноты черноты обучения...

Верно отметил на открытии выставки председатель правления Союза писателей России Юрий Мелентьев, что дети свой выбор сделали: они верны стремлению славянских народов жить в мире и дружбе, вместе строить свое будущее.

Татьяна МОРОЗОВА.

«Думаю, человек!» Природы Леонид, 10 лет, г. Мозырь, Белоруссия.

Николай СКАТОВ

«...И Слово было Бог»

Николай Николаевич Скатов — директор Института русской литературы (Пушкинский Дом), доктор филологических наук.

иностранным: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят».

В результате несчастный наш межнациональный язык был пущен на разрыв и в распыл. Оказавшись на историческом юру и под семью, точнее, под семьюдесятью семью, национальными ветрами, он искажался, беднел и уродовался.

И одновременно: он же, питавшая самые разнообразные стили, собирав и богатыл, ловчая, приспособлявшаяся, закалилась. Скажем, в первой трети прошлого века его омыла такая освежающая украинская волна, что дело закончилось явлением Гоголя. А русско-киргизский (или наоборот) Айтымов нынче? А Кавказ? И сейчас, даже помимо поэзии, слышавшейся, как говорят по-русски кавказцы: «лица кавказской национальности» (да, вот уж выражение-то — образец духовного вырождения и социального кретинизма). При этом здесь-то ведь ли можно говорить о насилиственной русификации. Всякий посещающий союзные республики помнит изобилие на книжных прилавках так называемых национальных писателей, в том числе хороших и даже очень хороших, а русская хороша книга и там была в дефиците. Характерно, что часто, как менее совковые, те или иные республики — Прибалтика, Грузия — становились поперемени русских изданий, о которых в русских столицах еще и не мечтали.

Уж что-то, но русский язык в русской литературе никогда не разделяли, не связывали, и не только, скажем, украинца с русскими или грузина с украинцами, но и грузина с грузинами. Это говоря высоко и так сказать, идеально. Но русский язык, вроде как бы хозяин, был и слуга, средством, тем, чем иной раз можно или необходимо пользоваться и отчитываться, отшвырнуть, отбросить...

Ясно, что эстонию, чтобы объясниться с латышом, с узбеком, с украинцем, с армянином невозможно знать грузинский и узбекский, латышский и армянский и т. д. и т. д. Ясно и сейчас, что есть и будет нужен общий язык. Ясно и сейчас, что им не будет ни грузинский, ни литовский, ни украинский, ни казахский. И не будет ни какое-либо переплетение. Не английский им не будет.

Сейчас, когда многие нарекались и протрезвевали, возвращаясь к пониманию того, что в тесном пространстве и даже в трудном обзоре, но долгие времена русский язык обречен снова зваться и нести свое бремя: быть для всех и представлять всех всем. Не английский, а русский.

Быстрее других это поняли практичные и дальновидные американцы. Да, американцы уже и заботу обучения русскому языку берут на себя.

АСПРИЛ (поиско: Америк-

здесь спасаться в отдельно взятом раю. Возможно, нужно начать с конференции (только бы не говорились) полномочной, предусматривающей практические рекомендации и забывающей под них материальные сааи. Одновременно должен был решаться и вопрос о создании школ, а возможно, и более широкой системы образования: для украинцев — в России, для грузин — на Украине, для эстонцев — в Грузии и т. д. Везде, где для этого есть желание, возможность и необходимость.

По-видимому, ясно, что при прелести и важности сохранения любого, самого крохотного, наречия существуют языки немые и мировые. Поэтому особая статья: русский язык как мировой в отношении с другими мировыми языками — сегодня же это прежде всего английский.

Стремительная глобальная англофикация, точнее, американизация и, может быть, еще точнее, вестернизация у многих вызывает уже и озабоченность, и раздражение, и протесты. И у нас тоже. Впрочем, первыми вроде бы привычное русское «не потерлю» провозгласили — и законодательно тоже — французы.

Думается, однако, что беспокорство, смятенность, может быть, даже ужас — все это должно рождать прежде всего у хранителей великой англосаксонской культуры, у ревнителей ее действительно великого слова.

Ведь в каких областях одарено здесь современное человечество, а уж мы-то — в полном соответствии с нашим менталитетом — а в очереди за подарками из первых? В управленческих и бюрократических. В деловой, особенно в торгашеской спекулятивной. Наконец, в сфере массовой, вернее сказать, стадной культуры. То есть в областях подавления в подлинном смысле слова человечности либо от такой человечности максимально удаленных.

Хотя во всем этом много практического смысла, делового расчета и обычного удобства, часто рожденного усложнением простого и упрощением сложного. И даже своеобразной эстетизации: «офис» ведь звучит не так, как заковыканное «кантор», и «менеджер», «директор», «брокер» — это вам не «прикатки», «контришки» и «счетоводы». А изоморфное «каллер» прикрыло само отврастательное и чудовищное из всех видов убийств. Впрочем, иногда поколебавшись, как, например, между новоявленными «режиссерами» и старомодным «вымыслителями», язык все же останавливается на более привычном «бандит». При этом слово получает все права нового и, так сказать, нейтрального гражданства в соответствии с новым гражданским статусом самого понятия: ныне это обычная, «законная» профессия в ряду других — нескрываемая, демонстрируемая, даже престижная.

однажды выяснилось, иногда их читают. Но это в сторону.

Прямой перенос на нашу почву той же французской практики представляется не вполне приемлемым, имея в виду наличие там стабильного правового общества. Отправить же в нашу правовую распутину еще и такой обоз, как закон о языке, значит, на мой взгляд, рисковать, что он и до первой станции не доберется, да и лихие люди уж им попользуются вволю.

Это, впрочем, мое мнение. Но и в стороне стоять, конечно же, ни в коем случае и ни под каким видом нельзя!

Обратимся ко времени в этом смысле еще более горячему. И к примеру, как всегда, для нас спасительному.

Известно, что на рубеже XVIII—XIX веков изоморфное военному нашествию двукратное изоморфное, прежде всего французское, предшествовало собственному языковому нашествию — изоморфное слов и речений — прежде всего французских (и, естественно, появившееся многочисленных словечек).

Споры о языке — о старом и новом, чужом и родном, передовом и отсталом — велись так, как будто речь шла о жизни и смерти нации. Да, собственно, так оно и было: ибо судьба языка-слова равна судьбе языка-народа. И название меня всех суеверий в ней язык, — с абсолютной точностью выразил их абсолютную слитность Пушкин.

В ожесточенных полемических боях той эпохи, как и сейчас, тоже не спешили на обвинения самые крайние и не путались односторонности самых исключительных.

Но не просто была борьба отжившего с нарождающимся, как то часто изображается в обучающих пособиях по истории русской литературы.

Конечно, бойцы молодого задорного «Арзамаса» числились за собой таких рыцарей, как В. Жуковский, П. Вяземский, К. Батюшков и, конечно, Карамзин, прямо поставивший к языковому заступлению десятки свежих слов-новобранцев. Но в свое время и в старой медлительной «Беседе» сидели такие богатыри, как, например, И. Крылов. До сих пор филологи потешаются над отсталым Пушкиным, предположившим России обречь не в заимствованные «чуждые», а в собственные «мокроступы». Менее известно, что другой знаменитый «архонт» А. Грибоедов на дух не принимал, скажем, изоморфное «лабиринта», вводил свое и, как казалось, родное «блуждающие».

Может быть, такие слова вызывают лишь улыбку, но не сыграли ли и они, вроде бы бесславно и, так сказать, безмяно погибшие, роль передовой линии обороны, в которой начал задеваться и гаснуть, корректируясь и входя в разумные берега, поток иност-

Собачий доджун заговорил

«Говорачи» пес по кличке Мирей живет в квартире талантливца Фарофанова. Когда о нем в первый раз рассказала городская газета «Площадь свободы», в квартире нелый месяц не смолкал телефон, и по просьбе земляки Веры Петровны все жили-по прозванию в трубу свое любимое слово «мням».

Полное имя собаки — Вайт Брайант Мирей Хвост Пушистый. Это собака породы «стафф» (стафф), да Мирей был чемпионом мира, да и сам он статен и красив. Вера Петровна называет «мням». Когда хочет есть, говорит «мням».

Есть в поведении Мирей одна любопытная особенность: на прогулке он может равнодушно пройти мимо десятков прохожих. Но стоит ему увидеть женщину, элегантно одетую женщину, как он буквально преображается. Подойдет, понюхает, покрутит, полизает, словно проверяя, не дождется ли себя на завтрак. По этому поводу земляки все заметили, что, видимо, в прошлой жизни Мирей был... «мужественный доджун».

(ИТАР—ТАСС).

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Дезертиры задержаны

Меньше суток понадобилось для поимки двух вооруженных дезертиров из воинской части 6807, расположенной в Сыктывкаре.

Как сообщили корреспонденту ИТАР—ТАСС в штабе по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Республики Коми, 5 июля около полуночи из воинской части совершили побег рядовые Рустам Меджидов и Владимир Цветован. При этом Меджидов самовольно ушел с поста, прихватив с собой автомат, снаряженный боевыми патронами. На окраине Сыктывкара, в районе местной птицефабрики, они захватили частную авто-

машину «Ауди». Ее водитель сообщил о происшедшем в милицию.

Примерно в 90 километрах от Сыктывкара, за райцентром Визинга, беглецы бросили захваченный автомобиль и скрылись в лесу. Были приняты экстренные меры по задержанию вооруженных дезертиров силами МВД. Дезертиры были обнаружены в районе деревни Чукаб, примерно в 15 километрах от райцентра Визинга Сыктывкарского района. Их настигли, блокировали и задержали. Сопротивления при задержании дезертиры не оказали.

Ведется расследование причин происшедшего.

Калитка спасла жизнь

Гранату подцепили к калитке с наружной стороны. Поэтому и не заметил ее начальник милиции Рогнедичского района В. Мещенко, торопясь утром из дома на службу. Но калитка и спасла его жизни: когда раздался взрыв, часть осколков она приняла на себя. Однако и милиционеру сильно досталось: многочисленные ранения

ног, перелом берцовой кости. К счастью, его тут же доставили в больницу, прооперировали. Жизнь вне опасности. Как полагают следователи, попытка убийства сделана криминальными элементами, которым «насилие» начальник милиции.

Михаил АТАМАНЕНКО, г. Брянск.

ТВ

ЧЕТ: ЕРТ 11 ИЮЛЯ

1 КАНАЛ «ОРТ»

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30 Хроника дня, 9.00, 9.30, 10.00, 10.30, 11.00, 11.30, 12.00, 12.30, 13.00, 13.30, 14.00, 14.30, 15.00, 15.30, 16.00, 16.30, 17.00, 17.30, 18.00, 18.30, 19.00, 19.30, 20.00, 20.30, 21.00, 21.30, 22.00, 22.30, 23.00, 23.30, 24.00, 24.30, 25.00, 25.30, 26.00, 26.30, 27.00, 27.30, 28.00, 28.30, 29.00, 29.30, 30.00, 30.30, 31.00, 31.30, 32.00, 32.30, 33.00, 33.30, 34.00, 34.30, 35.00, 35.30, 36.00, 36.30, 37.00, 37.30, 38.00, 38.30, 39.00, 39.30, 40.00, 40.30, 41.00, 41.30, 42.00, 42.30, 43.00, 43.30, 44.00, 44.30, 45.00, 45.30, 46.00, 46.30, 47.00, 47.30, 48.00, 48.30, 49.00, 49.30, 50.00, 50.30, 51.00, 51.30, 52.00, 52.30, 53.00, 53.30, 54.00, 54.30, 55.00, 55.30, 56.00, 56.30, 57.00, 57.30, 58.00, 58.30, 59.00, 59.30, 60.00, 60.30, 61.00, 61.30, 62.00, 62.30, 63.00, 63.30, 64.00, 64.30, 65.00, 65.30, 66.00, 66.30, 67.00, 67.30, 68.00, 68.30, 69.00, 69.30, 70.00, 70.30, 71.00, 71.30, 72.00, 72.30, 73.00, 73.30, 74.00, 74.30, 75.00, 75.30, 76.00, 76.30, 77.00, 77.30, 78.00, 78.30, 79.00, 79.30, 80.00, 80.30, 81.00, 81.30, 82.00, 82.30, 83.00, 83.30, 84.00, 84.30, 85.00, 85.30, 86.00, 86.30, 87.00, 87.30, 88.00, 88.30, 89.00, 89.30, 90.00, 90.30, 91.00, 91.30, 92.00, 92.30, 93.00, 93.30, 94.00, 94.30, 95.00, 95.30, 96.00, 96.30, 97.00, 97.30, 98.00, 98.30, 99.00, 99.30, 100.00, 100.30, 101.00, 101.30, 102.00, 102.30, 103.00, 103.30, 104.00, 104.30, 105.00, 105.30, 106.00, 106.30, 107.00, 107.30, 108.00, 108.30, 109.00, 109.30, 110.00, 110.30, 111.00, 111.30, 112.00, 112.30, 113.00, 113.30, 114.00, 114.30, 115.00, 115.30, 116.00, 116.30, 117.00, 117.30, 118.00, 118.30, 119.00, 119.30, 120.00, 120.30, 121.00, 121.30, 122.00, 122.30, 123.00, 123.30, 124.00, 124.30, 125.00, 125.30, 126.00, 126.30, 127.00, 127.30, 128.00, 128.30, 129.00, 129.30, 130.00, 130.30, 131.00, 131.30, 132.00, 132.30, 133.00, 133.30, 134.00, 134.30, 135.00, 135.30, 136.00, 136.30, 137.00, 137.30, 138.00, 138.30, 139.00, 139.30, 140.00, 140.30, 141.00, 141.30, 142.00, 142.30, 143.00, 143.30, 144.00, 144.30, 145.00, 145.30, 146.00, 146.30, 147.00, 147.30, 148.00, 148.30, 149.00, 149.30, 150.00, 150.30, 151.00, 151.30, 152.00, 152.30, 153.00, 153.30, 154.00, 154.30, 155.00, 155.30, 156.00, 156.30, 157.00, 157.30, 158.00, 158.30, 159.00, 159.30, 160.00, 160.30, 161.00, 161.30, 162.00, 162.30, 163.00, 163.30, 164.00, 164.30, 165.00, 165.30, 166.00, 166.30, 167.00, 167.30, 168.00, 168.30, 169.00, 169.30, 170.00, 170.30, 171.00, 171.30, 172.00, 172.30, 173.00, 173.30, 174.00, 174.30, 175.00, 175.30, 176.00, 176.30, 177.00, 177.30, 178.00, 178.30, 179.00, 179.30, 180.00, 180.30, 181.00, 181.30, 182.00, 182.30, 183.00, 183.30, 184.00, 184.30, 185.00, 185.30, 186.00, 186.30, 187.00, 187.30, 188.00, 188.30, 189.00, 189.30, 190.00, 190.30, 191.00, 191.30, 192.00, 192.30, 193.00, 193.30, 194.00, 194.30, 195.00, 195.30, 196.00, 196.30, 197.00, 197.30, 198.00, 198.30, 199.00, 199.30, 200.00, 200.30, 201.00, 201.30, 202.00, 202.30, 203.00, 203.30, 204.00, 204.30, 205.00, 205.30, 206.00, 206.30, 207.00, 207.30, 208.00, 208.30, 209.00, 209.30, 210.00, 210.30, 211.00, 211.30, 212.00, 212.30, 213.00, 213.30, 214.00, 214.30, 215.00, 215.30, 216.00, 216.30, 217.00, 217.30, 218.00, 218.30, 219.00, 219.30, 220.00, 220.30, 221.00, 221.30, 222.00,